

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А. С. Смыкалин

**ПЕРЛЮСТРАЦИЯ
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
И ПОЧТОВАЯ
ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА
В РОССИИ И СССР**

Теория и история государства и права

Александр Смыкалин

**Перлюстрация корреспонденции
и почтовая военная
цензура в России и СССР**

«Юридический центр»

2008

ББК 67.401.212

Смыкалин А. С.

Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР / А. С. Смыкалин — «Юридический центр», 2008 — (Теория и история государства и права)

В работе исследуются малоизученные в отечественной науке вопросы способа изучения мнения широких слоев населения – перлюстрации корреспонденции, тайной почтовой цензуры и политического сыска, являющиеся одним из важнейших направлений подразделений органов государственной безопасности императорской России и Советского государства. Монография написана со строго научных позиций с использованием большого количества архивного материала, ведомственных актов и материалов зарубежной печати. Путем ретроспективного подхода автором изучены механизмы и формы тайного политического контроля, деятельности спецслужб в условиях царской России и советского периода, проанализированы методы политической цензуры, что позволило приоткрыть занавес над процессами идеологического манипулирования общественным сознанием. Книга предназначена для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических факультетов вузов, работников правоохранительных органов, а также всех интересующихся вопросами оперативно-розыскной деятельности и историей ее развития.

ББК 67.401.212

© Смыкалин А. С., 2008

© Юридический центр, 2008

Содержание

Предисловие	6
Введение	11
Глава I	13
1.1. Перлюстрация корреспонденции в России (этапы развития), создание специальных органов политического контроля во второй половине XVIII века	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Смыкалин
Перлюстрация корреспонденции и
почтовая военная цензура в России и СССР

*Смыкалиной Татьяне Александровне – жене, другу и помощнику
посвящаю*

Рецензенты:

И. Я. Козаченко, доктор юридических наук, профессор

В. П. Мотревич, доктор юридических наук, профессор

© А. С. Смыкалин, 2008

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008

Предисловие

В последние годы значительно возрос интерес к деятельности спецслужб. Свидетельством этого может служить многообразие литературы, посвященной различным аспектам их деятельности. Однако литература, предлагаемая читателю, в основном мемуарного жанра – либо биографические хроники руководителей российских спецслужб, либо справочные издания, подготовленные бывшими сотрудниками.

Естественно, что в силу закрытости многих тем, раскрывающих формы и методы работы разведки и контрразведки, серьезные научные исследования не всегда доходят до массового читателя, скрываясь за соответствующим грифом секретности.

Данное исследование является в некотором роде исключением. Написанное известным специалистом в данной сфере Александром Сергеевичем Смыкалиным со строго научных позиций, с использованием большого количества архивного материала, ведомственных актов и материалов зарубежной печати, оно приоткрывает завесу над деятельностью одного из направлений органов государственной безопасности – перлюстрацией корреспонденции.

Исторической эпопее подразделений, занимавшихся этой совершенно секретной деятельностью в императорской России и Советском государстве, посвящена данная работа. Спецслужбы на протяжении всей истории любого государства играли значительную роль в формировании внутренней и внешней политики, принятии судьбоносных решений высшими руководителями государства. И полученная информация в результате тайного прочтения корреспонденции играла здесь не последнюю роль.

Причем если в условиях царской России эта негласная деятельность спецслужб носила выборочный характер, поскольку главными противниками были, прежде всего, различного рода «бунтовщики и революционеры», то в советский период эта деятельность стремится к полному и всеобщему охвату.

В условиях тотального коммунистического режима политический контроль над умонастроениями людей становится всеобъемлющим. Поражают масштабы этой глубоко засекреченной деятельности в рамках СССР.

Еще с первых дней становления советской власти В. И. Ленин рекомендует продолжать активно заниматься этим видом деятельности уже советским спецслужбам. Почтовый контроль особенно усиливается в годы сталинских репрессий. Советские люди, свято доверяя своему государству и сталинской Конституции 1936 г., гарантировавшей охрану тайны переписки, в большинстве своем не допускали возможность, что в их переписке существует и третье лицо – государство, которое прекрасно осведомлено о содержании написанного.

Антиконституционная деятельность спецслужб продолжалась и в годы Великой Отечественной войны, существуя совместно с легальной формой перлюстрации корреспонденции – военной цензурой и в послевоенные годы. Примером тому служат архивные документы и рассекреченные ведомственные акты НКВД – МГБ – КГБ СССР.

Роль спецслужб в реализации репрессивной политики советской власти на протяжении многих десятилетий советского периода являлась запретной темой. Политическая цензура не позволяла публиковать научные работы объективно освещающие роль органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ, и уже совсем запретной темой была деятельность отдельных структурных подразделений, осуществлявших оперативную работу.

Подразделения, осуществлявшие антиконституционную деятельность по перлюстрации корреспонденции, были настолько глубоко законспирированы, что являлись своего рода «разведчиками в собственной стране». Они представляли собой так называемый негласный состав, не подлежавший расшифровке перед остальными сотрудниками органов государственной безопасности. Кандидаты на эту работу проходили специальный психофизиологический отбор,

должны были иметь отменное физическое здоровье, отвечать необходимым морально-нравственным качествам. Вплоть до конца 60-х годов XX в. этим видом засекреченной деятельности занимался исключительно офицерский состав органов государственной безопасности.

Меняющаяся политическая ситуация в стране естественным образом отражалась на задачах, которые были поставлены перед спецслужбами. Но всегда сохранялось главное – обладание информацией. И перлюстрация корреспонденции являлась одним из способов ее получения.

Еще в январе 1921 г. Ф. Э. Держинский говорил: «Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе... нужно держать на учете, выяснить, проверить. **Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план...** Здесь надо иметь в руках точные улики, конкретные данные, которые опять-таки можно получить лишь хорошей информацией...».¹ В 1922 г. в составе ОГПУ создается Отдел политического контроля, целью которого является наблюдение, сбор информации и соответствующие профилактические меры, направленные против диссидентствующей интеллигенции.

О том, что перлюстрация корреспонденции активно проводилась в 20-е годы, свидетельствуют рассекреченные данные. В 1924 г., по сообщению начальника Политконтроля ОГПУ И. З. Сурты Ф. Э. Держинскому отмечалось, что «полная обработка писем доведена до 250 штук на одного человека. Всего за 1924 год было перлюстрировано 5 млн писем и 8 млн телеграмм».

Вышеприведенные цифры свидетельствуют о приближении к всеобъемлющему политическому контролю всего населения страны.

Представленная монография состоит из шести глав. Первая глава охватывает период со второй половины XVIII в. по начало XX в. Здесь рассмотрено создание органов политического сыска в России, и особое внимание в оперативной деятельности этих органов уделено такому направлению, как перлюстрация корреспонденции. Особо выделяются формы тайного политического контроля в России и перлюстрационная деятельность спецслужб в историко-сравнительном плане в Европе и Америке.

Вторая глава посвящена почтовой военной цензуре как средству контроля контрразведки в годы Первой мировой войны. Сравнительно небольшой в хронологическом плане период 1914–1918 гг. тоже имеет свою специфику в этом виде деятельности, и она отражена в работе.

Изменившиеся экономические и социально-политические условия в стране после Октябрьской революции 1917 г. поставили новые задачи перед молодой советской республикой, но отказываться от тайного политического контроля советское правительство не собиралось. Более того, глава государства В. И. Ленин рекомендовал заниматься этим важным делом более энергично. Анализ тайного политического контроля в 1917–1930 гг. посвящена третья глава монографии.

В четвертой главе рассматривается это направление деятельности советской контрразведки в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны, использованы архивные источники ФСБ РФ.

Глава пятая охватывает послевоенный период (1946-1960-е годы). В условиях кризиса партийно-государственного социализма и зарождающегося диссидентского движения эта форма деятельности советских органов государственной безопасности приобретает особенно важное значение. Заключительная, шестая, глава посвящена некоторым техническим приемам вскрытия корреспонденции, имевшим место в недалеком историческом прошлом.

В Заключении предлагается с учетом анализа современного законодательства пересмотреть и уточнить некоторые коллизионные нормы закона об оперативно-розыскной деятельности с целью его совершенствования, о чем неоднократно говорилось и в юридической литературе.

¹ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. М., 1972. С. 418–419.

С закреплением в первом Законе РФ (1992 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» основных правовых и организационных параметров ОРД преодолено представление о ней в обществе как выходящей за рамки законности и противоречащей нравственным принципам. Получила законодательное подтверждение правомерность и социальная обусловленность ОРД – важной составной части правоохранительной деятельности.

Определенные шаги сделаны в направлении развития оперативно-розыскного законодательства. В 1995 г. был принят новый федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». В условиях становления гражданского общества это имеет исключительно важное значение, поскольку на законодательном уровне обеспечиваются гарантии неприкосновенности личности, защиты ее прав, интересов и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и другими законами.

Вопросы оперативно-розыскной деятельности напрямую связаны с таким понятием как политическая безопасность и стабильность общественной жизни.

Понятие политической безопасности можно определить как систему мер, устраняющих определенные опасности для общественно-политического строя и политической власти в стране. К этим опасностям можно отнести: действия зарубежных спецслужб, нацеленных на разрушение власти в данной стране; политическое и моральное разложение самой власти; действия властей, вызывающие возмущения населения; деятельность политических партий, экстремистских, радикальных групп, несущих угрозу существующему строю и власти; действия экстремистов в самой власти; появление и распространение националистических настроений в обществе.

Если эти угрозы для политической безопасности и стабильности страны – поле деятельности спецслужб, то основной способ действия для них – политический сыск,² а дело сыска – это изучение настроений и мнений как элиты общества, так и населения.

Вопрос о роли политического сыска в жизни современного демократического государства чрезвычайно сложен, и, прежде всего, с морально-нравственной точки зрения. «Сыск – это грязная работа, связанная с проникновением в личную жизнь, съемом информации, провокацией», – считают одни. «Сыск – это разновидность аналитической и политической деятельности, связанной с полемикой, с убеждением оппонента», – считают другие.

Таким образом, границы между категориями нравственен политический сыск или безнравственен весьма размыты. Все зависит от того, с каких позиций рассматривать политический сыск. Руководители любого государства не могут в полной мере реализовать свое решение не опираясь на мнение населения. Игнорирование этого приводит к социальным потрясениям, а это значит, что необходимо знать намерения, которые можно выявить только оперативным путем. Еще царский генерал, один из руководителей российского политического сыска П. Г. Курлов справедливо писал: «...правительству приходится иметь дело не только с фактами, но и с **намерениями**».

Трудностью своевременного ознакомления с такими намерениями в целях предупреждения преступления объясняется и трудность розыска, которая почти непонятна для рядового обывателя вследствие того, что политический розыск оперирует не после, а до совершения преступления.³ Иногда в угоду политическим амбициям забывается превентивная сторона этой деятельности.

Демагогические высказывания о необходимости ликвидации политического сыска, сделанные на рубеже 1990-х годов, были несостоятельны, и уже вскоре Сергей Степашин, возглавивший органы государственной безопасности, заявил: «В связи с появлением разного рода экстремистских организаций, в том числе и откровенно фашистского толка, я подумал о созда-

² Макаревич Э. Политический сыск. М.: Алгоритм, 2002. С. 6.

³ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., «Современник». 1992. С. 121.

нии структуры, которая бы занималась политическим сыском. Потому что если не защищать Конституцию и власть, то для чего нужны органы госбезопасности?»⁴

Поэтому, начиная с 1992 г., стали вновь говорить о возрождении политического сыска.

Власть в стране не могла существовать без политического сыска, даже в спокойной, благополучной и стабильной стране.

Не политическая демагогия, плюрализм мнений и деструктивная критика «укрепляют» государство, а концентрация усилий и продуманные решения лежат в основе деятельности специальных служб государства. И это не только в исторических традициях Российского государства, подобная практика существовала и существует в любом цивилизованном государстве.

После падения в России царского режима уже упомянутый бывший товарищ (заместитель) министра внутренних дел П. Г. Курлов отмечал: «Нет ни одного правительства в мире, начиная с абсолютной монархии и кончая советской властью большевиков, которое не было бы вынуждено, в целях своего существования и самосохранения, **отказаться от борьбы со своими политическими врагами**, признавая направленные против существующей власти действия лиц иных убеждений преступлениями, а потому не только карать их на основании уголовного закона, но и в большей части случаев предупреждать самое возникновение этих преступлений».⁵

Политическая стабильность в любом государстве всегда определялась эффективностью деятельности спецслужб, и одним из важных инструментов в их работе являлся политический сыск.

Способом изучения мнения широких слоев населения и в царской России, и в советском государстве являлась перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура, подробно рассматриваемая в представленной на суд читателя работе.

При трезвой оценке ситуации в государстве и обществе понятна важность политической стабильности государства. И здесь возникает другая опасность – выход за пределы границ, очерченных правовым полем деятельности спецслужб.

Наглядным примером может служить история советского государства, когда накопление информации антисоветского содержания приводило в результате к уголовной ответственности конкретного фигуранта. Примером может служить диссидентское движение в СССР.

Позитивным моментом является то, что автор не ограничивается констатацией фактов, но и дает им правовую оценку, а это, в свою очередь, дает возможность выявить наличие коллизии и даже пробелов в том числе и в действующем законодательстве.

Как пробел в законодательстве можно рассматривать вопрос о контроле оперативно-технической деятельности спецслужб. Действительно, Закон об оперативно-розыскной деятельности (ОРД), разработанный в строгом соответствии с действующей Конституцией РФ 1993 г., разрешает проводить эти мероприятия перечисленным в законе об ОРД органам. Но возникает вопрос о контроле за этой деятельностью государства. Оказывается, такого контроля нет именно в части, касающейся использования новой секретной техники. Прокурор такого права не имеет (см. ст. 24 «Прокурорский надзор» Закона о ФСБ от 22 февраля 1995 г., с изменениями и дополнениями).

Нет такого права и у судьи, даже имеющего соответствующую форму допуска к государственной тайне. Технические средства проведения ОРД ему никто и никогда не покажет. Следовательно, судья, дающий разрешение, скажем, органам ФСБ на проведение почтового контроля «перлюстрации корреспонденции», не имеет права на ознакомление с техническими средствами, применяемыми при проведении мероприятия. Этот вывод можно сделать, исходя из п. 6 ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа

⁴ Михайлов А. Г. Портрет министра в контексте смутного времени: Сергей Степашин. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 175.

⁵ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. С. 121.

1995 г. № 144-ФЗ (с изменениями и дополнениями). Интересно то, что и Конституционный Суд не вправе требовать ознакомления с технической стороной оперативно-технической деятельности, являющейся государственной тайной. Значит, возможен только ведомственный контроль? **ФСБ контролирует ФСБ.** Возникает резонный вопрос, а если в спецтехнике использованы новые технологии, разрушающие здоровье граждан и даже представляющие опасность для сотрудников самих спецслужб? В лучшем случае это может закончиться только внутренним служебным расследованием, иного контроля нет.

Возможно, наличие пробелов в законодательстве и вызывает различные споры во время совещаний руководителей подразделений спецслужб, осуществляющих эту деятельность. Отсутствие правовых гарантий в правовом демократическом государстве недопустимо. Поэтому сколько бы ни были деликатными вопросы в этой специфической сфере деятельности, они не должны ограничиваться секретными ведомственными инструкциями, а получить законодательное закрепление. Только тогда на деле мы перейдем от государственной целесообразности к государственной законности.

Актуальным является и вопрос о злоупотреблении политическим сыском. Недопустимо, например, его использование в борьбе с оппозицией или при недобросовестной конкуренции.

Целью политического сыска должно быть обеспечение безопасности государства.

В заключение хотелось бы отметить, что представленное историко-правовое исследование рассматривает лишь одно из направлений деятельности спецслужб нашего государства. Естественно, что в разных исторических условиях и у разных социальных слоев общества отношение к нему было различное. Но в любом случае это история нашей родины, которую надо знать и помнить.

*Председатель Комитета Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, доктор юридических наук, государственный советник юстиции
П. В. Крашенинников*

Введение

Шпионство есть язва народа, губящая право
В. А. Жуковский

Глобализация информационных процессов, развитие новых компьютерных технологий, создание культуры виртуальной реальности ставит вопрос о защите личности от информационного насилия. И в этих условиях приобретает качественно иное звучание проблема цензуры как система сдержек и запретов государства любого типа. В правовом государстве конституционным гарантом является запрет цензуры (см., например, ст. 29 Конституции РФ 1993 г.), чем, в свою очередь, обеспечивается свобода слова и информации.

Между тем задача данного исследования заключается в ретроспективном подходе к изучению и анализу механизмов советской политической цензуры, что позволяет приоткрыть занавес над процессами идеологического манипулирования общественным сознанием. К сожалению, теоретические проблемы правового статуса органов цензуры учеными-юристами пока не разработаны.

При тоталитарном режиме характеристика и порядок запретов существенно отличаются. Являясь частью пропагандистской тоталитарной системы, цензура осуществляет контрольно-запретительные, полицейские и манипулятивные функции, направленные на управление обществом, а также отдельными гражданами. Как отмечает Т. М. Горяева, «в полицейском государстве функции цензуры во многом совпадают и переплетаются с функциями репрессивных органов, которые совместно осуществляют политический сыск и надзор, выразившийся в контроле за частной перепиской (перлюстрация), подслушиванием телефонных разговоров и других массовых нарушений прав и свобод человека».⁶

По мнению российского исследователя И. Панарина, несмотря на то, что средства воздействия (пропаганда, дезинформация, слухи и т. д.) остались прежними, принципиально иными стали средства получения и доставки информации. Это, прежде всего, системы глобального телерадиовещания. Они теперь доносят информацию о реальных событиях, комментарии, специально подобранные факты и аргументы до аудиторий многих стран мира. Использование спутников прямого вещания, когда лидер одного государства без согласия руководства других стран может напрямую обратиться к населению этих стран, является совершенно новым явлением мировой политики.⁷

Использование психологических средств информационной войны предполагает знание структуры, особенностей СМИ противника, их постоянный мониторинг, что становится задачей органов сыска. Они дают первоначальный материал для организации противодействия на направлениях информационной агрессии как внутри страны, так и вовне...⁸

Таким образом, понятие цензуры многопланово. С одной стороны, это контроль, осуществляемый государством за средствами массовой информации (печать, радио, телевидение, кинематограф), который проявляется в том, что в лице специальных контролирующих органов государства налагается запрет на опубликование или воспроизведение другими способами авторских идей, идущих вразрез с политикой или идеологией тоталитарного государства.

Однако есть и другая форма цензуры, связанная с секретными функциями государства по реализации оперативных мероприятий политического сыска и тотальным контролем над общественным сознанием. Это перлюстрация корреспонденции и тайная почтовая цензура.

⁶ Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР 1917–1991 гг. М.: РОСПЭН, 2002. С. 6.

⁷ Панарин И. Информационная война XXI века: готова ли к ней Россия? // Власть. 2000. № 2. С. 101–104.

⁸ Макаревич Э. Политический сыск. М.: Алгоритм, 2002. С. 18.

Именно этим направлениям политического сыска и посвящена данная работа, так как, к сожалению, вопросы эти изучены недостаточно, особенно в открытой печати. Ибо в любом обществе и при любом режиме, пускай даже авторитарном, правительство декларировало своим гражданам тайну переписки, создавая видимость у населения заботы о соблюдении элементарных человеческих прав. И в то же время спецслужбы всех стран грубо попирали их. Именно всех, ведь, как показывает история, «черные кабинеты» существовали с глубокой древности. То есть уже с момента образования государства в системе его органов появлялась спецслужба, в задачу которой входили: тайный «съем информации» методом подсматривания (наружное наблюдение), подслушивание, тайное вскрытие корреспонденции (перлюстрация) и т. п.

Естественно, по мере развития новейших технологий способы такого съема информации совершенствовались.

Но... обратимся к истории.

Глава I

У истоков оперативно-технической деятельности

Как ни странно, цензура родилась задолго до изобретения книгопечатания. Еще в Древнем Риме существовала должность цензора, который, в частности, обязан был следить за благонаправлением населения. Фактически он действовал как строгий критик, взыскательный судья, учитель нравственности, суровый моралист.

Позднее христианская церковь учредила цензуру как средство предупреждения искажений при переписке религиозных книг, как орудие борьбы против ереси. В 1471 г. папа Сикст IV предписал, чтобы ни одна книга духовного содержания не выходила в свет без предварительного рассмотрения и одобрения церковных властей. Происхождение церковной цензуры в России было связано с решениями Стоглавого собора (1551 г.) и позднее – указом Петра I от 1721 г.⁹

Но если в данном случае цензура рассматривалась как форма контроля, налагающая запрет на обнародование сведений определенного рода, то параллельно с ней развивалась и почтовая цензура (перлюстрация) как форма политического контроля.

Еще в начале XVI в. основатель разведывательной службы в Англии Оливер Кромвель учредил в рамках этой службы на правах отделения («черного кабинета») специальную дешифровальную службу, которая оказала ему серьезные услуги в борьбе с противниками короля.

В XVI–XVII вв. в Англии министр королевы Елизаветы сэр Френсис Уолсингем создал эффективную тайную разведку. Большое внимание он уделял дешифрованию перехваченных депеш. Наиболее яркой личностью в плеяде дешифровальщиков оказался Томас Феллиппес, работавший под руководством Кристофера Марло. Именно он сыграл роковую роль в судьбе шотландской королевы Марии Стюарт, соперницы Елизаветы по правам на английский престол.

Перехватив и дешифровав депеши Марии, в которых имелись сведения о заговоре против Елизаветы, Феллиппес почерком и шифром королевы Шотландии сделал приписку в одном из писем, из которой следовало, что она является организатором покушения на Елизавету, что и предрешило судьбу Марии Стюарт.

Таким образом, перлюстрация корреспонденции далеко не всегда сводилась к праздному любопытству заглянуть в частную жизнь, но в данном случае даже изменила ход развития целой страны.

Спасение от прочтения корреспонденции уже тогда виделось в создании специальной криптографической службы, которая первоначально возникла в дипломатических органах многих европейских государств. XVII–XVIII вв. уже вошли в историю криптографии как эра «черных кабинетов» – секретных государственных органов по перехвату, перлюстрации и дешифрованию переписки (в первую очередь, дипломатической). В штат «черных кабинетов» входили криптографы-дешифровальщики, агенты по перехвату почты, специалисты по вскрытию пакетов (не оставляющих никаких следов), писцы-копировальщики, переводчики, специалисты – граверы по подделке печатей, химики (для выявления «невидимых чернил») специалисты по подделке почерков и т. д.

Таким образом, «черные кабинеты» состояли из высококвалифицированных специалистов в различных областях знаний. Эти специалисты ценились «на вес золота» и находились

⁹ Федотов М. А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 31.

под особым покровительством властей. От них требовалось строгое сохранение тайны и преданность монарху. Предателей наказывали сурово.¹⁰

В русской истории известен случай, когда император Александр III собственноручно отобрал четыре золотых портсигара с гербами и бриллиантами и передал их секретному чиновнику в качестве благодарности императора служащим «черного кабинета» в Петербурге. Так высоко оценивалась деятельность этой спецслужбы государем.

Широкое распространение деятельность «черных кабинетов» получила во Франции в конце XVII в., в годы правления Людовика XIV, при следующем короле, Людовике XV, этот «кабинет» курировала любовница короля, известная маркиза де Помпадур.

Интересно то, что деятельность по перлюстрации документов активно переплеталась у французов с оперативно-агентурной работой. Так, например, в середине XVIII в. в штат английского посла в Константинополе Джона Мэррея был внедрен французский разведчик, многие годы передававший в Париж ключи к шифрам и копии шифрованных сообщений посла. В это же время аналогичным образом англичане получали сообщения министра иностранных дел Франции в Мадрид. Полученная информация позволила Англии занять жесткую позицию на переговорах с Испанией по поводу Фолклендских островов.

Подобная практика подкупа и шантажа имела место и в деятельности российского (петербургского) «черного кабинета». Дешифровка дипломатической почты велась в особом режиме, она доставлялась за несколько часов до отправления поезда, время было предельно ограничено. Перлюстрацией корреспонденции занимались сотрудники высшей квалификации, поскольку любая неосторожность могла вызвать международный скандал. Кроме того, надо было постоянно думать о том, что отправкой подобного рода дипломатической корреспонденции тоже занимались не «новички», которые заранее презюмировали возможность вскрытия почтово-телеграфной корреспонденции.

Легче было подкупить служащих посольства, отвечавших за шифровые коды, вместе с тем в «черном кабинете» имелась полная коллекция копий печаток и пломб всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств.

Один из бывших сотрудников петербургского «черного кабинета» приводит своего рода прейскурант цен, по которым покупались шифровые коды у служащих иностранных посольств в Брюсселе и Париже. Так, коды менее значимых государств – Греции, Болгарии, Испании – стоили от 1,5 до 2 тысяч рублей золотом; коды Северо-Американских Штатов, Германии и Японии – от 5 до 15 тысяч рублей.¹¹

Сильный «черный кабинет» существовал в XVII в. в Англии. Яркой личностью в криптографии и дешифровке был выдающийся английский математик, предшественник И. Ньютона Джон Валлис. Этот человек обладал уникальными способностями – он в уме извлекал квадратные корни из 50-значных чисел с точностью до 20-30-го знаков. Записав результат, утром перепроверял его и ошибок не находил. Карл II высоко ценил искусство Валлеса и называл его «драгоценным камнем для короля».

Король высоко ценил свою службу перехвата, перлюстрации и дешифрования корреспонденции.

В истории дипломатической службы описан случай, произошедший в XVI веке: курьеры Испании везли тайные послания в металлических запаянных трубках, а на месте пайки ставилась печать. Сама трубка тоже находилась в опечатанной сумке, которая цепью прикреплялась к телу курьера. Однако, усыпив курьера, англичанам удалось тайно перлюстрировать послания.¹²

¹⁰ Бабаи А. В., Шанкин Г. П. История криптографии. М.: Гелиос – АРБ, 2002. С. 105.

¹¹ Майский С. «Черный кабинет» из воспоминаний бывшего цензора». Пг., 1922. С. 23.

¹² Бабаи А. В., Шанкин Г. П. История криптографии. С. 164.

Со временем совершенствовалась и сама техника перлюстрации корреспонденции. Во времена Карла II специалист по фамилии Морленд изобрел специальную машину, которая давала возможность читать письма без нарушения печати, а также быстро снимать копии (1 минута на 2 страницы текста). Изобретатель был щедро вознагражден королем, а само техническое изобретение строго засекречено.

В России цензурирование **светских** изданий началось при Петре I и продолжалось с небольшими перерывами вплоть до октября 1905 г., а в измененном виде – до февраля 1917-го.¹³

Что касается **перлюстрации** корреспонденции, то, по мнению некоторых авторов, начало создания «черных кабинетов» в России относится к концу XVIII в., периоду правления Екатерины II. Хотя, как видно из ранее описанных случаев, перлюстрация корреспонденции велась с незапамятных времен. Однако она носила эпизодический характер, связанный с оперативно-агентурными мероприятиями правительства.

Лишь в середине XVIII в., при царице Елизавете Петровне, учреждается специальная секретная служба перлюстрации. Ее возглавил канцлер А. П. Бестужев-Рюмин. Но и она еще не занималась тотальной перлюстрацией корреспонденции. Речь, прежде всего, шла о дипломатической переписке, имевшей государственное значение для России.

Дешифрованная корреспонденция докладывалась непосредственно императрице, которая с пониманием относилась к такого рода деятельности. Основной перехват почты осуществлялся через Петербургский почтамт, руководителем которого был Ф. Аш, этот почт-директор непосредственно подчинялся Бестужеву-Рюмину. В одном из донесений он сообщает канцлеру: «...куверты не токмо по углам, но и везде клеим заклеены, и тем клеим обвязанная под кувертом крестом на письмах нитка таким образом утверждена была, что онный клей от пара кипятка, над чем письма несколько часов держал, никак распуститься и отстать не мог. Да и тот клей под печатями находился (кои я искусно снял), однако же не распустился. Следовательно же, я к превеликому моему соболезнованию никакой возможности не нашел онных писем распечатывать без совершенного разодрания конвертов. И тако я онные паки запечатал и в стафету в ея дорогу отправить принужден был...».¹⁴

Возникали технические проблемы и с подделкой поврежденных печатей. Печати были весьма «замысловатыми» и отпечатывались на красном сургуче. Процесс требовал привлечения все большего количества людей, обладавших специальными знаниями в различных областях науки и техники. Постепенно формировался целый штат специалистов из числа граверов, химиков, графологов, математиков. Одним из таких математиков, приглашенных в русскую криптографическую службу, был немец Христиан Гольдбах (1690–1764 гг.), специалист по теории чисел и математическому анализу.

В монографиях по истории дипломатической службы упоминается, что с июля по декабрь 1743 г. он дешифровал более 60 писем лишь «министров прусского и французского дворов».

Анализ материалов тех лет показывает, что до Х. Гольдбаха перехваченные письма копировались на почте только по «клеру», т. е. по кускам открытого текста, содержащегося в письмах. Шифрованная часть не копировалась. С момента появления Гольдбаха в «черном кабинете» России Бестужев-Рюмин дал распоряжение Ашу копировать письма целиком. Аш старался выполнять распоряжение, однако у него постоянно возникали проблемы с безуликовостью вскрытия писем.

Гольдбах стремился разъяснить Бестужеву-Рюмину серьезные проблемы, возникающие во время работы с дешифрованием. Он, в частности, подчеркивал необходимость абсолютно точного копирования перехваченных писем, и в связи с этим просил «каждое число или каж-

¹³ Аксаков И. С. Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886.

¹⁴ Бабиш А. В., Шанкин Г. П. История криптографии. С. 219–220.

дую цифру весьма прилежно засвидетельствовать», поскольку ошибки копировальщика значительно затрудняли работу дешифровальщика.

Так, перлюстрация и криптография шли рука об руку с момента своего возникновения.

Императрица высоко оценила труды Гольдбаха. Помимо крупных денежных вознаграждений, он получил очень высокое звание – тайный советник. К примеру, знаменитый математик того времени, работавший в России, – Л. Эйлер, несмотря на свои его научные достижения, такого звания не получил.¹⁵

Дешифрованные Гольдбахом материалы оказывали заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России. И хотя перлюстрация в тот период времени, как подчеркивалось выше, еще не являлась общей, сам факт уже указывал «верный» путь в этом направлении – чем больше прочитанных писем подданных, тем выше шанс соответствующим образом отреагировать на политические настроения в обществе, принять правильное решение в управлении «толпой».

Сам собой напрашивался вывод – управленческая функция государства становилась менее эффективной без истинного знания положения вещей в социуме. Цензура в обществе, как тайная (перлюстрация), так и открытая, все активнее внедряется в жизнь.

Непосредственно осуществляя регулирование информационных потоков, цензура становится одним из важнейших механизмов защиты общественно-политической системы.

Ряд авторов выделяют до десятка функций, которые обеспечивают ей власть: **1) функция контроля** заключается в отслеживании, оценке, классификации и селекции информации в соответствии с принятыми в социальной среде нормами; **2) регламентирующая** функция направлена на определение критериев и установление порядка циркуляции информации посредством рекомендаций, предписаний, указаний, замечаний; **3) охранительная** функция нацелена на сохранение в тайне государственных, военных и других важных секретов; **4) репрессивная** функция служит для применения карательных мер против производителей, распространителей, потребителей и хранителей информации, виновных в нарушении правил цензуры; **5) манипулятивная** функция выражается в том, что цензура, регулируя потоки информации, определенным образом воздействует на восприятие фактов социальными объектами и принимаемые ими решения; **6) профилактическая** функция призвана предупредить возникновение конфликтных ситуаций между социальными объектами и упрочить социальную стабильность; **7) санкционирующая** функция обеспечивает введение в социокультурный контекст информации двух видов: а) не претерпевших изменений из-за цензуры; б) искаженной, адаптированной ею; **8) эталонизирующая** функция предназначена для фиксации и закрепления известных образцов (произведений искусства, художественных направлений и стилей, научных теорий в социокультурном континууме; **9) своеобразная «побочная» функция стимуляции общественного интереса** обуславливает пробуждение повышенного внимания к малодоступной информации со стороны непосвященных.¹⁶

Так видят функции цензуры социологи, юристы предлагают свои виды и формы контроля.

На наш взгляд, перечень предложенных функций не является исчерпывающим. Как минимум можно назвать еще две функции в деятельности цензуры, связанные с наиболее секретными ее аспектами, а именно: **оперативно-профилактическая**, сюда относится перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции, подслушивание телефонных разговоров, наружное наблюдение и иные негласные способы съема информации, и **дезинформационная** – заключающаяся в создании литературного произведения, фильма или научной теории

¹⁵ Там же. С. 221.

¹⁶ Левченко И. Е. Цензура как общественное явление. Автореф. дис. ... канд. ??? Екатеринбург, 1995. С. 11.

по специальному секретному, социальному заказу правительства, имеющая цель увести в сторону (дезинформировать) широкую общественность.

Так параллельно шло развитие политической цензуры и перлюстрации корреспонденции, как одно из секретных форм вторжения в личную жизнь подданных.

В работе использованы материалы архивов: ФСБ РФ; ФСБ РФ по Свердловской, Пермской, Челябинской областям; Центра документации общественных организаций Свердловской, Пермской областей (бывшие партийные архивы). Архивные материалы Национального архива США (Вашингтон), периодическая печать, монографическая литература, мемуары.

1.1. Перлюстрация корреспонденции в России (этапы развития), создание специальных органов политического контроля во второй половине XVIII века

Деятельность спецслужб любой страны всегда окутана плотной завесой тайны. Это в полной мере относится и к такому направлению, как политический контроль за личной жизнью граждан государства, в частности за частной перепиской, якобы строго охраняемой государством. И лишь политические скандалы, разглашение государственной тайны сотрудниками спецслужб или технические промахи приводят к тому, что тайное становится явным.

В данной работе на основании анализа скрупулезно собранного материала, автор попытается рассмотреть генезис и дальнейшее направление работы спецслужб России как перлюстрация корреспонденции. Для этого придется обратиться к далекой истории Государства Российского.

Вообще, вопрос о перлюстрации корреспонденции в России и СССР долгое время не являлся предметом специального рассмотрения в открытой печати.

В настоящее время существует не более десятка работ, посвященных этой проблеме. Это связано опять-таки с тем, что органы государственной безопасности тщательно скрывали за грифом «совершенно секретно» это направление в своей работе, которое плохо соотносилось с советским законодательством. Еще в Конституции СССР 1936 г. в ст. 128, было торжественно провозглашено: «...тайна переписки охраняется законом...».

Однако принцип государственной целесообразности нередко превалировал над принципом социалистической законности. И государство, в лице органов ВЧК – ОГПУ – НКГБ – МГБ – КГБ, всячески старалось хотя бы одним глазком заглянуть в личную жизнь своих граждан. Воспитанные же в духе строгого соблюдения социалистических законов большинство советских граждан даже не допускало мысли о сознательном нарушении Конституции СССР и советских законов. Представление о размахе проводимой работы поражает воображение, в отдельные годы практически вся почтовая корреспонденция подлежала перлюстрации. Официальные статистические данные, из архивов органов государственной безопасности подтверждают этот факт. Но, сначала о истории создания этого направления работы спецслужб России.

Активно вмешиваться в личную жизнь своих подданных государство начало еще в первой четверти XVIII в., в период правления Петра I. В это время создается и новая система политического сыска. Если в XVII в. политическим сыском занимались на местах воеводы, а в центре приказы, особенно территориальные (Сибирский, Казанский и др.) военные (Стрелецкий, Рейтарский и др.), Боярская дума и лично Государь, т. е. система не была централизованной, то пришедший к власти в результате жестокой борьбы Петр I совершенствует политический сыск. С конца XVII – начала XVIII в. важнейшим органом политического сыска становится Преображенский приказ, который является уже центральным и общегосударственным учреждением.

В 1718 г. для производства следствия по делу царевича Алексея была образована Тайная канцелярия, которая затем была переведена в Петербург и там стала вторым постоянно действующим центральным органом политического сыска, независимо от Преображенского приказа. Все, кому было известно о преступлении против государя и государства, должны были заявлять об этом. Расследование проводилось в форме жесткого розыскного процесса.

Довольно широкое распространение в этот период получили корыстные должностные преступления. Раскрывать их было достаточно сложно. Для борьбы с ними создается специальная карательная служба – ФИСКАЛАТ. Этот институт, заимствованный из Пруссии, в России появился одновременно с созданием Сената в качестве его подразделения. Возглавлял фискальную службу вначале обер-фискал, позднее генерал-фискал, которые не только информи-

ровали Сенат о выявленных ими злоупотреблениях по службе, но и тайно следили за членами и служащими Сената, в том числе и тайно контролировали их служебную и личную переписку.

Под руководством генерал-фискалов и обер-фискалов создавалась разветвленная система фискалата: 4 фискала следили за центральными государственными учреждениями, по 4 фискала определялись при каждой губернской канцелярии, в том числе прикрепленные к провинциям провинциал-фискалы, по одному-два фискала закреплялись за городом.

С 1722 г. фискалы прикреплялись ко всем коллегиям. Фискальные службы в вооруженных силах и при церковном управлении. Они должны были за всеми тайно «надсматривать» и «проведывать», выявлять казнокрадство и взяточничество, а также расследовать случаи, которые могли быть корыстными преступлениями. Позднее фискалы обязывались доносить о злоупотреблениях также и местным администраторам, обличать в суде обвиняемых ими людей. Если при этом фискалы имели какой-то личный интерес, то подлежали жестокому наказанию. Им было запрещено вступать в подряды. Назначаемые из незнатных семей, стимулируемые за доносы половиной налагаемого на виновного штрафа и освобожденные от ответственности за недоказанный донос, а также пользуясь личной поддержкой царя, фискалы были опасны чиновникам и крайне непопулярны в бюрократической среде.¹⁷

Особенностью деятельности фискалов было то, что она особо не конспирировалась, а материалы, добытые в том числе и перлюстрацией корреспонденции, нередко становились доказательствами для суда. Следовательно, вопрос о легализации добытой оперативным путем информации особо не стоял. По всей видимости, не составлялись и специальные меморандумы о политических настроениях подданных Российской империи. Перлюстрация преследовала пока только одну цель – доказательство виновности должностного лица.

Более того, п. 7 Именного указа от 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора» предлагал **открыто «фискалам в коллегиях и надворных судах доносить о всем своим прокурорам»** (выделено нами. – А. С.).¹⁸

В отличие от общей полиции, созданной в этот период времени, органы политического сыска были малочисленны и максимально приближены к царствующим особам, состояли из особо доверенных им лиц, порой совпадая с высшими коллегиальными органами государственной власти.¹⁹

Постоянные преобразования, которые проводились Петром I, касались всех звеньев государственного аппарата. Подверглись реорганизации и органы политического сыска. С ликвидацией Тайной канцелярии (1726 г.) и Преображенского приказа (1729 г.) расследование дел по государственным преступлениям было передано в ведение Сената и Верховного тайного Совета.

Большинство этих дел возбуждалось по существовавшей ранее системе доносов («слово и дело государево»). Через Тайную экспедицию и ее московский филиал до 1775 года прошли такие политические процессы, как дело ростовского архиепископа А. Мацевича, выступившего против секуляризации в 1763 г., дело офицера В. Я. Мировича, пытавшегося летом 1764 г. освободить заключенного в Шлиссельбургскую крепость императора Ивана Антоновича, и другие процессы.

Основным материалом для расследования и возбуждения уголовного дела были устные и письменные доносы. Поэтому особое внимание в деятельности спецслужб стало уделяться вскрытию и прочтению корреспонденции.

¹⁷ Сизиков М. И. Государство и право России в период утверждения абсолютизма (конец XVII – первая четверть XVIII века). М., 1994. С. 20.

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков. М.: Юрид. литература, 1986. Т. 4. С. 198.

¹⁹ Сизиков М. И. История государства и права России с конца XVII до начала XIX века. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 1998. С. 80.

Однако на государственную основу это дело было поставлено лишь во второй половине XVIII в., а точнее, в правление Екатерины II, когда перлюстрация корреспонденции стала делом не эпизодическим, а регулярным. Именно со времен Екатерины II в почтамтах стало проводиться ознакомление с письмами без ведома корреспондентов и адресатов (перлюстрация), что послужило дополнительным источником информации. Если полученные таким путем сведения заслуживали внимания, то начинался процесс, вызывались свидетели, проводились очные ставки и допросы. Причем вопрос о формах легализации добытой таким путем информации особо и не стоял, поскольку государство в тот период времени и не гарантировало тайну переписки. Поэтому проблема имела больше нравственно-этическую форму, нежели юридическую.

Проникновение в личную жизнь подданных Российской империи путем подсматривания, подслушивания, перлюстрации корреспонденции свидетельствует о том, что с установлением абсолютизма в России установился полицейский политический режим.

Особенностью перлюстрации тогда было то, что она не носила еще тотального характера, а была выборочной и эпизодической. Государство интересовали не столько политические настроения граждан, сколько готовящиеся заговоры и покушения. Говорить о том, что анализ корреспонденции использовался для управления государством, мы не можем.

Период управления Екатерины II получил название в исторической литературе как век просвещенного абсолютизма. Действительно, покровительство со стороны императрицы развитию образования, наукам и искусству значительно продвинуло Россию по пути прогресса. Но вместе с тем развитие народного просвещения, увеличение печатной продукции и рост светской литературы усилили внимание правительства к регулированию издательской деятельности, к контролю за тем, что пишет и что читает подданный России. Появились и первые нормативные акты, свидетельствующие о введении цензурных ограничений, число которых постоянно росло. Вся ввозимая из-за рубежа литература подлежала цензурированию. В 80-е годы XVII в. уже было указано на недопустимость издания и распространения книг сомнительного содержания. Цензура возлагалась на Сенат и коллегии, а с 1790 г. – на Управы благочиния. В 1796 г. цензурные подразделения из духовных и светских лиц были созданы в столицах, на таможах Риги и Одессы. Вводилась и предварительная цензура.²⁰

Создание в России в 1802 г. министерской системы и образование первых восьми министерств повлекло некоторые изменения в структуре и направлении их деятельности. В 1806 г. на основе обобщения и анализа деятельности министерства внутренних дел В. П. Кочубей и М. М. Сперанский подготовили проект его реорганизации, который был утвержден Александром I. Некоторые функции по руководству государственным хозяйством были переданы в другие министерства и ведомства. Зато в состав МВД вошел **Почтовый департамент**, что максимально приближало политический контроль за настроением людей путем перлюстрации корреспонденции. Теперь все замыкалось в одном ведомстве. С точки зрения сохранения государственной тайны такое преобразование было очень целесообразным. Департамент делился на экспедиции. Были созданы и новые структурные отделения, так называемые столы, во главе со столоначальниками.

В 1810 г. появляется Манифест «О разделении государственных дел по министерствам», который предусматривает создание специального Министерства полиции. В задачи нового министерства помимо борьбы с преступностью должны были войти: проведение рекрутского набора в армию, охрана государственных запасов продовольствия, таможенный контроль, содержание и трудоустройство осужденных, обеспечение исправности и безопасности путей сообщения. Министерство полиции должно было также осуществлять явный и

²⁰ Сизиков М. И. Государство и право России в период расцвета абсолютизма (1725–1800 гг.). М.: Юридический институт МВД РФ, 1995. С. 41.

тайный надзор за иностранцами в России (функции контрразведки), а также выполнять цензурные функции и перлюстрацию корреспонденции. О введении Положения о министерствах в России и создании Министерства полиции было объявлено в Манифесте от 25 июля 1811 г. Он назывался «Общее учреждение министерств».²¹

В Министерстве полиции для ведения секретного делопроизводства была образована Особенная канцелярия при министре. Она выдавала заграничные паспорта, регистрировала иностранцев, проводила постоянную цензурную ревизию, выполняла личные поручения министра.

Таким образом, и перлюстрация корреспонденции принимает все более всеобъемлющий характер.

Особенная канцелярия постоянно расширялась и к 1819 г. состояла из трех подразделений, так называемых «столов» и секретной части. Первый «стол» занимался вопросами выезда за границу и въезда в империю как российских, так и иностранных поданных. Второй «стол» собирал сведения о книжных лавках и типографиях, таким образом, осуществлял цензурные функции. Третий «стол» тайно наблюдал за религиозными сектами и раскольниками. Секретная часть Особенной канцелярии контролировала «размещение по городам высланных из столиц», организовывала слежку за политическими неблагонадежными лицами, тем самым выполняя функции службы наружного наблюдения.

В проекте графа А. Х. Бенкендорфа «Об устройстве высшей полиции» отмечено: «... вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при этом самое лучшее, так оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно лишь иметь в некоторых городах почтмейстеров, известных своей честностью и усердием. Такими пунктами являются: Петербург, Москва, Киев, Вильно, Рига, Харьков, Одесса, Казань и Тобольск».²²

Особый комитет при правительстве разработал специальные инструкции для осуществления перлюстрации (31 августа 1826 г.). Указывались следующие условия: 1) чтобы вскрытие почтовых отправок осуществлялось в величайшей тайне; 2) перлюстрация должна быть сосредоточена в одном управлении, т. е. в почтовом ведомстве.²³

Особое место в перлюстрации корреспонденции теперь уделялось тайне. В 1839 г. III Отделение предписало Главному управлению почт учредить «бдительный надзор за пограничной перепиской в районе Одессы и Бессарабской области. С 16 марта там ввели вскрытие корреспонденции с целью, как писал А. Х. Бенкендорф, «благонадежнейшего очищения, в предотвращении внесения в пределы России чумной заразы». Круг лиц, знающих о перлюстрации корреспонденции был весьма ограничен. О ней знали только три человека – шеф жандармов, главноуправляющий почтовым ведомством и бессарабский генерал-губернатор. Осуществляли ее под непосредственным руководством III Отделения, назначенные с его ведома особо доверенные чиновники. Как сообщают мемуарные источники, техника вскрытия писем была достаточно примитивной. Конверт вскрывался обычным способом и единой методики разработано еще не было. Так, вятский вице-губернатор Д. И. Батурин позднее вспоминал, что в молодости он имел поручение тайно читать частные письма, но незаметно вскрывать конверт удавалось не всегда.

Поэтому чиновники додумались размачивать клей «той жидкостью, которую люди обычно выбрасывают». Письма, утверждает он, теряли свежий вид, но «дело» пошло быстрее, а «изобретателя» повесили в чине.

²¹ Органы и войска МВД России (краткий исторический очерк). М.: Объединенная ред. МВД РФ, 1996. С. 15.

²² Записка, поданная А. Х. Бенкендорфом в январе 1826 г. Николаю I // Русская старина. 1900. № 12. С. 615.

²³ Чукарев А. Г. Перлюстрация как метод осведомления в III-м Отделении во второй четверти XIX века // Российский исторический журнал. 1998. № 3. С. 12.

Наиболее крупные перлюстрационные центры находились в Петербурге и Москве, где работало большее число секретных сотрудников при почтамтах, вскрывающих письма, делавших из них нужные III Отделению выписки.

Таким образом, речь идет уже не просто о политическом контроле, в форме цензуры за корреспонденцией, а о составлении политических меморандумов для правительства, с целью контроля в управлении государственными службами.

Перлюстрации во второй четверти XIX в. подлежали письма многих лиц, прежде всего государственных преступников по делу «декабристов» от 14 декабря 1825 г., в том числе и персон, близких ко двору, известных сановников, поэтов, писателей и т. д. Вскрывались даже письма поэта В. А. Жуковского, воспитателя наследника престола, будущего Александра II. Возмущенный Жуковский писал в конце 1827 г. своему приятелю А. И. Тургеневу: «Удивительное дело! – пишет он Тургеневу. – Ты только 12 ноября получил первое письмо мое. Итак, ты не получил многих. Не понимаю, что делается с письмами. Их читают, это само по себе разумеется. Но те, которые их читают, должны бы по крайней мере исполнять с некоторою честностью плохое ремесло свое. Хотя бы они подумали, что если уже позволено им заглядывать в чужие тайны, то никак не позволено над ними ругаться, и что письма, хотя читанные, доставлять должно. Вот следствие этого проклятого шпионства, которое ни к чему вести не может. Доверенность публичная нарушена; то, за что в Англии казнят, в остальной Европе делается правительствами... Часто оттого, что печать худо распечаталась, уничтожают важное письмо, от которого зависит судьба частного человека. И хотя была бы какая-нибудь выгода от такой нечестности, обращенной в правило! Что ж выиграли, разрушив святыню – веру и уважение к правительству? – Это бесит! Как же хотеть уважения к законам в частных людях, когда правительства все незаконное себе позволяют? Я уверен, что самый верный хранитель общественного порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственность правительства... Шпионство есть язва народа, губящая право. А государю не честит и не льстит, но волнует его и наводит на думы. В Англии за открытие писем вешают».²⁴

Постоянному вскрытию подвергались письма А. С. Пушкина. Неосторожное выражение в одном из них при Александре I стало поводом к высылке поэта из Одессы в село Михайловское. Вскрытие писем продолжалось и при новом царе (после его всемиловостивейшего «прощенья» Николаем I). Читали даже частные письма, написанные к его жене.

Контролировалась переписка и других литераторов. Письма ссыльных декабристов перлюстрировались в г. Тобольске. В 1826 г. петербургский почтмейстер К. Я. Булгаков представил управляющему почтовым ведомством А. Н. Голицину проект по созданию специального органа для просмотра писем в Сибири. На основе его предложений 18 декабря того же года царем было утверждено «Положение для учреждения при Сибирском почтамте секретной экспедиции». Первоначально последняя создавалась только для просмотра переписки ссыльных декабристов. Однако позднее деятельность экспедиции распространена была на всех политически неблагонадежных лиц. Штат ее сперва состоял из 4 чиновников, старшим из них назначили «служившего по такой же экспедиции в Москве титулярного советника Бана. Жалованье этим чиновникам выплачивалось из секретных сумм: по 1,5 тысячи рублей ассигнациями – старшему и по 1 тысяче рублей – трем остальным. Чтобы скрыть занятие членов тайной экспедиции и для поощрения их «трудов», они прикомандировывались к Сибирскому почтамту как обычные служащие с окладами соответственно 750, 600 и 500 рублей в год ассигнациями.²⁵

Помимо установленного жалованья, в несколько раз большего по сравнению с жалованьем сибирских чиновников, Бану при отправлении в Сибирь было решено выделить сверх прогонов на четыре лошади две тысячи рублей на необходимые издержки. На расходы экспеди-

²⁴ Афанасьев В. В. А. Жуковский // Серия ЖЗЛ. 1987. С. 251–252.

²⁵ Кодан С. В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856 гг.). Иркутск, 1980. С. 30–31.

ции по перлюстрации писем выделялось 2875 рублей ежегодно. Финансирование производилось помимо «расписания годовых расходов Министерства финансов, а по особым на каждый год императорским рескриптом», а затем «секретным порядком к Сибирскому почт-директору». Для Бана московским почт-директором было подготовлено особое наставление.

Тобольская секретная экспедиция вошла в число и завершила создание особой сети перлюстрации, включавшей, кроме этой, Санкт-Петербургскую, Московскую, Литовскую и Финляндскую экспедиции с выделением на эти цели 59 725 рублей ежегодно. В соответствии с указанием центральных властей эти учреждения взяли под надзор всех неблагонадежных лиц. В «черных кабинетах» снимались копии с «интересных» писем корреспонденции поднадзорных лиц и направлялись в III отделение и в Почтовый департамент для принятия мер.

То есть уже в этот период функция политического контроля переходила в ведение органа политического сыска, каким являлось III отделение Собственной канцелярии Его Императорского Величества.

После реорганизации почтового ведомства в 1830 г. чиновники экспедиции были «замаскированы» под гласные должности – цензоров, переводчиков, и, **«состоя открыто под теми наименованиями, будут секретно употреблены по точному своему назначению»** (выделено нами. – А. С.)».

В связи с уничтожением Сибирского почтамта «четверо чиновников, – как предписывалось Главноуправляющему над почтовым департаментом, – выйдут в штат гласных... чиновников губернской почтовой конторы в Тобольске».

Одновременно было указано, что «всем чиновникам, употребляемым по секретной части, производить жалованье из положенных по оной сумм, сверх того, какое по гласным своим должностям или местам будут иметь, открыто».

Секретная перлюстрация еще более была законспирирована и существовала «под большим покровом секретности», а экспедиция являлась специальным местным подразделением центральных органов управления политической ссылкой для контроля за перепиской ссыльных революционеров.²⁶

Целью вскрытия корреспонденции являлось не просто накопление информации или политический контроль за жизнью общества, она рассматривалась гораздо шире, например как профилактика совершения государственных преступлений, в связи с этим вопрос перлюстрации писем стоял в центре внимания правительства еще до учреждения III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826 г.).

Сведения о перлюстрации корреспонденции в этот период весьма скудны. Они в основном отразились в секретной переписке министра внутренних дел О. П. Козодавлева и московского почт-директора Д. П. Рунича. Переписка относится к периоду 1813–1817 гг.

²⁶ Кодак С. В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856 гг.). Иркутск, 1980. С. 32.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.